

А.П. Казаркин

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА XX ВЕКА

А. П. Казаркин

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА
XX ВЕКА

Рекомендовано в качестве учебника Советом по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию.

Издательство Томского университета
2004

специфические свои признаки. Духовный опыт России в XX в. – негативный, «ожоговый», и ценности мирового уровня созданы в СССР не благодаря, а скорее вопреки «всепобеждающему учению».

Георгий Плеханов

Первый русский марксист, Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) немало сил отдал идеологической пропаганде в жанре литературно-критических обзоров. Пропагандистский характер его статей, в которых нет анализа отдельных произведений, бросается в глаза. Плеханов не был критиком по призванию и к этой разновидности публицистики обращался как к подспорью в политическом действии, смотрел на критику как на практическое *общественное дело*. Печатался он не только в зарубежных социал-демократических изданиях, но и в легальной российской прессе – в «Отечественных записках», «Новом слове», «Научном обозрении», горьковском «Современнике» – чаще всего под псевдонимом Н. Бельтов. Еще народовольцем он заинтересовался Марксом, переводил его работы на русский язык, в том числе «Манифест коммунистической партии». Он рассуждал о пролетариате как классе-гегемоне, тогда как заводские рабочие в России составляли меньше десяти процентов, а буржуазия вовсе не была доминирующей социальной силой.

Плеханов повторял, подчеркивая собственную «левизну»: «Я больший марксист, чем сам Маркс». Он игнорировал предостережение Маркса относительно перенесения его учения на Россию с ее восточной традицией и преимущественно «азиатским» производством. Одна из первых акций бывшего народовольца, после создания марксистской группы «Освобождение труда», – сборник рабочих песен, к которому он написал предисловие «Два слова читателям-рабочим» (1885). Он начал с формирования нового читателя и всегда считал это главной задачей критики. Первые крупные марксистские работы Плеханова – «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885) – популяризация учения и размежевание с народниками, вчерашними единомышленниками.

Мировоззрение Плеханова выражено в его книгах «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895), «Очерки по истории материализма» (Штутгарт, 1896) и «Основные вопросы марксизма» (СПб., 1908). «Отражательное» понимание искусства направляло его эстетические экскурсы на путь наивного реализма. В книгах критик-марксист оценил выше всего информативность, создание запоминающихся типов. Он посвятил цикл обзорных статей беллетристам-народникам: «Г.И. Успенский», «С. Каронин», «Н.И. Наумов» (вошли в

его сборник «За двадцать лет», СПб., 1905). Этих второстепенных беллетристов-социологов критик противопоставил художникам-психологам – Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Гончарову – со знаком «плюс». Высшие достижения русской литературы – Пушкин, Гоголь, Достоевский – остались вне его интересов. Хотя Плеханов признавал, что искусство дворянских писателей-психологов сложнее, публицистическое направление он считал более перспективным. Классический реализм сосредоточен на внутреннем мире личности, народники же, продолжавшие традиции Белинского и Чернышевского, сильны, по Плеханову, социологическим анализом. При этом он противопоставил их западному натурализму (школе Золя), отыскивающему биологические импульсы в поведении героев².

На рубеже веков, в 1899–1900 гг., в цикле статей «Письма без адреса» Плеханов осмыслил генезис мирового искусства в свете исторического материализма. Здесь он развивает мысли последних книг Ф. Энгельса: понятие о красивом и безобразном появляется в результате общественной практики, эстетическая потребность минимально детерминирована природой и максимально – производством. Влияние мифологии на искусство Плеханов игнорировал, поскольку религию он также считал порождением трудовых процессов. В статье «Экономика и искусство», ставшей затем главой книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), он заявил: «Психология общества приспособляется к его экономии <...> на почве новой экономии происходит полный расцвет новой психологии <...> направление умственной работы в обществе определяется его отношениями производства». Единственно заслуживающее внимания для Плеханова – классовая *психологидеология*. Художник, по мнению первого русского марксиста, не может выйти из круга сословных интересов. Поэтому в начале статей критиков-марксистов – пространнейшие характеристики экономического базиса, а об искусстве – по остаточному принципу, скороговоркой: «Раз дано состояние производственных сил, даны и свойства социальной среды, дана и соответствующая ей психология, дано и взаимодействие между средой, с одной стороны, и умами и нравами – с другой».

Различие поэтики и риторики Плеханов-критик игнорировал. Он и его ученики считали, что с уходом класса с исторической арены теряет информативную ценность и его искусство. Правда, теоретик различал восходящую и нисходящую фазы в истории каждого класса. Даже феодалы, боровшиеся с рабовладельцами, были вначале восходящим классом. И ранняя буржуазная литература (Стендаль, Бальзак, Диккенс), по Плеханову, интересна, ибо несет значительную информацию об эпохе.

Этого уже нельзя сказать о следующих поколениях «буржуазных» художников: их искусство характеризуется как паразитический гедонизм и безысходный пессимизм. Так обрисована историческая перспектива: паразитические классы «нисходят», а пролетариат только «восходит».

Самое значительное произведение Плеханова – «История русской общественной мысли» – осталось незаконченным. В него, в переработанном виде, вошли написанные раньше статьи о русских критиках. В истории русской мысли марксист выделил как единственно прогрессивное революционно-демократическое направление. Истинным родоначальником его он считал Белинского, а Чернышевского – высшим проявлением домарксистской мысли. Плеханов завершал в XIX в. «общественническое» направление в критике, начатое Чернышевским и Добролюбовым и противостоявшее «эстетическому» направлению. В этой книге впервые обозначен марксистский подход к истории критики. Социал-демократ Плеханов еще категоричнее, чем революционные демократы, отводит искусству служебную роль. Считая Герцена родоначальником народничества, он посвятил ему цикл статей: «А.И. Герцен и крепостное право», «Философские взгляды А.И. Герцена», «Герцен-эмигрант», «О книге Богучарского “А.И. Герцен”», «Речь на могиле Герцена в Ницце». По Плеханову, непоследовательность публициста, бывшего «перемычкой» между дворянскими революционерами и разночинцами, стала причиной его драмы. С одобрением подчеркивал критик, что Герцену чужд был интерес к религии. Статьи «Белинский и разумная действительность», «Виссарион Белинский и Валериан Майков», работы о Чернышевском, Добролюбове, славянофилах и западниках – это, по сути, освещение пути России к пролетарской революции. В статье «Добролюбов и Островский» он упрекнул «реальную критику» в недостаточном радикализме, что объяснял отсутствием исторического материализма в мировоззрении Добролюбова. Писарев в своей критике искусства для искусства радикален, но поверхностен, не указывает средства борьбы. На книгу А. Волынского «Русские критики» Плеханов отозвался статьей «Судьба русской критики», в которой, как всегда, охарактеризовал автора только как реакционера: «Его теоретическая философия сводится к совершенно бессодержательным фразам, его практическая философия есть не более как чрезвычайно плохая пародия на нашу “субъективную социологию”». Критические статьи публицист включил также в сборник «За двадцать лет».

В 1908 г., в предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет», Плеханов изложил свое представление о задаче критика: «Первая задача критика состоит в том, чтобы перевести идею данного художест-

венного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления». Это крайне рационалистическое понимание дела: перевод с языка искусства на язык логики невозможен без разрушения художественного целого. Отыскание «социологического эквивалента данного литературного явления» и последний этап – «приговор», подразумевающий классовую оценку, – этот путь породил в дальнейшем *вульгарный социологизм*. Основание оценки для первого критика-марксиста – соответствие формы замыслу. Замысел же, по его убеждению, может оказаться как *ложной*, так и *правильной* идеей: «когда талантливый художник вдохновляется ошибочной идеей, тогда он портит свое собственное произведение». Таким образом, к искусству Плеханов прилагал критерий истинности, а это признак натуралистической эстетики, ценившей выше всего публицистические тексты; сложные, условные формы оценивались им как «неверное» понимание жизни. Плеханов исходил из предположения, что «идея» в подлинно художественном произведении дана однозначно. Критик оперировал парой категорий – «идея» и «форма»: «Чем более соответствует исполнение замыслу ... чем больше форма художественного произведения соответствует его идее, тем оно удачнее». Узость предпосылок в конечном счете сказалась как обеднение вкусов огромной читательской аудитории. Если Плеханов еще более или менее вникал в тематику произведения, в авторский замысел, то Ленин высказывал только ситуативную политическую оценку.

Доктрина Плеханова отдает аскетизмом: в ней нет места категории «эстетическое наслаждение». Это указывает на ограниченную концепцию человека: все силы отданы производству и социальной борьбе, все интересы вытеснены вовне, а сложный душевный мир отвергается как «буржуазный», остается очень мало стимулов личностного развития. Вопреки пушкинскому мнению, что поэзия должна быть чуть-чуть «глуповата», Плеханов настаивал: дело критика – доводить до полной рациональной ясности замысла художника. Эмоциям же он отвел общественно полезную роль лишь в соответствии с теорией прогресса. Плеханов не признавал специфики искусства ни в материале (тематике и проблематике), ни в идеях: «Разве есть область, составляющая исключительную собственность поэзии? Ведь ее содержание то же, что и содержание философии, ведь между поэтом и философом разница лишь в том, что один мыслит образами, а другой – силлогизмами». Разница эта кажется теоретику незначительной, он не интересовался проблемой художественной формы.

Критик проверяется вкусом, пристрастием к определенным именам. Еще на похоронах Некрасова молодой Плеханов поставил умершего поэта выше Пушкина, далее охотно писал о второстепенных и третьестепенных беллетристах. Исключением в этом ряду оказался Л. Толстой, которому критик-марксист посвятил семь статей в связи с его юбилеем и затем смертью. Но Плеханов далек от целостного восприятия художественной прозы Толстого, он не говорит о сильной стороне ее, о глубине и полноте художественного видения, национальной самобытности толстовского мира. Иными словами, искусства Толстого критик не видел или пренебрег им. В статьях «Симптоматическая ошибка», «Карл Маркс и Лев Толстой», «Заметки публициста “Отсюда и досюда”», «Еще о Толстом», «Смешение представлений», «Толстой и природа», «Толстой и Герцен» он говорит о мировоззрении писателя и, главным образом, обличает толстовство – этическую систему, в которой, кстати заметить, марксисты отнесены к типу паразитов, борющихся за власть с другими паразитами внутри одного общества, в корне несправедливого. К революционерам Толстой обратился с суровой отповедью: «ваша борьба с правительством есть борьба двух паразитов на здоровом теле, и для народа одинаково вредны обе борющиеся стороны. И потому говорите о своих интересах, а не о народе, не лгите, говоря о нем, и оставьте его в покое» («Обращение к русским людям, к правительству, революционерам и народу»).

Плеханов не признал за Толстым права выступать от имени народа, доказывал, что писатель не мог выйти из круга дворянского понимания жизни. Дальше «дворянского покаяния» Толстой, по Плеханову, не продвинулся, а проповедь покаяния им оценена как реакционная, отвлекающая от борьбы, а значит – примиряющая с угнетением: «Не будучи в состоянии заменить в своем поле зрения угнетателей угнетаемыми, – иначе сказать: перейти с точки зрения эксплуататоров на точку зрения эксплуатируемых, Толстой, естественно, должен был направить свои главные усилия на то, чтобы нравственно исправить угнетателей, побудив их отказаться от повторения дурных поступков». Критика интересуется в данном случае лишь политическая эффективность толстовской проповеди, и он делает неожиданный и ничем не подтвержденный вывод: «Нравственная проповедь гр. Толстого вела к тому, что, – поскольку он занимался ею, – он, сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа». Так сказывается социологический метод: граф не мог выйти из круга тех сословных ценностей, источник которых – в эксплуатации, в присвоении чужого труда. На взгляд Плеханова, Толстой обречен был биться в противоречиях: значение его творчест-

ва – только в «изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы». Но мог ли существовать без присвоения прибавочной стоимости сам теоретик-марксист? Обязательного для литератора вопроса о личном моральном оправдании марксист не затронул ни разу. Заметим, что Ленину даже такая критика показалась либеральной: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым...».

К собственно критическим выступлениям Плеханова следует отнести его борьбу с декадентами и апологетические статьи о Горьком. Основной объект плехановской критики – современное упадочное искусство и богоискательство (статьи «О так называемых религиозных исканиях в России», «Еще о религии», «Евангелие от декаданса»). Понимание символизма Плехановым нельзя признать адекватным исторической ценности этого явления мировой литературы. Так, в статье об Ибсене он заявил, что к символам прибегают лишь художники, не способные проникнуть в глубину социальной жизни, не понимающие истории, так что символизм – «нечто вроде свидетельства о бедности», он заражает пессимизмом, характерным для позднего буржуазного искусства. Бедность восприятия Плехановым стихов З. Гиппиус также очевидна: худший вид критики – когда интерпретатор говорит только о том, чего в стихах нет. Это теоретическое предубеждение характерно и для последующих поколений марксистов: для них модернизм стал «врагом номер один». Согласно схеме, позднее буржуазное искусство может быть только гедонистическим и насквозь индивидуалистическим, а поскольку индивиду предстоит исчезновение, неизбежен безысходный пессимизм. «Искусству разложения» противопоставлены сочинения прозаиков-самоучек или опусы первых пролетарских поэтов.

В творчестве Горького критик усмотрел новый, пролетарский, этап литературной истории. Критика интересуется, *что* сказано, а не *как*, проблемно-тематический аспект, но не стиль и жанр. Он занимает позицию вождя «читательских масс» и заранее знает, чем завершится история. Эта позиция исторического финализма порождает безапелляционность суждений. Утопическое доктринерство считает свои собственные выводы недискутируемыми, всякое толкование, расходящееся с марксизмом, отмечается как реакционное. Принцип «отсюда и досюда» применен и к Горькому. Высоко поставив публицистическую пьесу «Враги», Плеханов резко негативно оценил повесть «Исповедь», содержащую богостроительские идеи. Роман «Мать» оценен им также негативно: он справедливо усмотрел в нем ленинскую концепцию ускорения пролетарской революции в России. Сам он считал, что российский пролета-

риат еще не сформировался, страна не вошла еще в капиталистический этап истории. Ленинскую идею внесения революционных идей в пролетариат Плеханов считал новой вариацией учения о героях и толпе.

Критика-марксиста интересует психология общественных групп и движений, а личность – лишь как социальный тип. Во всяком случае, ни один из новых писателей не заслужил уважительного внимания Плеханова, и главный критерий отрицательной оценки – религиозные темы и мотивы. В них марксист увидел только свидетельство разлада писателя со средой и уход от реальности. Публицистика Плеханова исходит из утопических предпосылок, но в ней не следует видеть одно лишь заблуждение. Ведь критик описывали реальный процесс упадка нравов, понижения уровня эстетики. Иными словами, в ныне прославленном Серебряном веке марксисты видели его оборотную сторону. О кризисе культуры писали такие его современники, как К. Леонтьев, В. Короленко, В. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, правда, причины и перспективы неблагополучного развития каждый понимал по-своему. Плеханова не интересовала непублицистическая поэзия, Ленин же сделал дальнейший радикальный шаг: «Долой литераторов беспартийных!». Обличавший предшественников за либерализм, Плеханов сам был заклеен как либерал-рэнегат, предавший интересы пролетариата в решающий момент истории. Ленин радикально сформулировал содержащуюся в статьях учителя посылку о двух культурах в национальной культуре и призвал к полному уничтожению «верхней», эксплуататорской, культуры. При всем их тактическом разногласии, оба сохранили отношение к Марксу как к величайшему мыслителю-пророку и к борьбе классов как к средству приближения идеального будущего. В сравнении с Лениным Плеханов – кабинетный теоретик, еще интересовавшийся собственно философией, историей критики, эстетической мыслью. Панполитизм ленинского отношения к искусству – это второй, собственно революционный, этап, завоевание власти, после чего «левая» часть национальной культуры стала уничтожать «правую». Сталинский этап – огосударствление литературы – завершение марксизма.

Утопия реконструкции мира начинается с уверенности, что есть два класса-антагониста и класс-паразит издает несправедливые законы. Вернувшись на родину после 37 лет отсутствия, Плеханов просто растерялся перед тьмой реальной революции. Он предостерег против сектантского пути, «бредовыми» назвал апрельские тезисы Ленина, но и это можно понять как тактические действия в политической борьбе. Попытка во всем противопоставить Ленина и Плеханова исторически несостоятельна: это два этапа одного политического движения. Путь от

Плеханова к Ленину и Сталину – это развитие марксистских идей в стране, где для них не было почвы. Как выразился этнолог Л. Гумилев, идеи, выглядевшие безобидными на родной для них почве, оказались «чумой» для народов с другим типом культуры. Как и Ленин, Плеханов отказал в праве на будущее земледельческому народу и его традиционной культуре, как и Ленин, прогресс понимал как безжалостное отсечение главной части наследия.

Анатолий Луначарский

В молодости Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933), комиссар просвещения в 1917 – 1929 гг., испытал влияние немарксистских учений. Определенный литературный дар (он писал стихи и пьесы), интерес к модернистскому искусству мешали ему быть последовательным большевиком. Однако этот либерал-большевик, любивший модернистские сложности, почти всегда занимал компромиссную позицию, тут и там уступая ортодоксам.

Еще гимназистом Луначарский изучал «Капитал» Маркса и стал профессиональным революционером в 21 год, восемь раз подвергался тюремному заключению и неоднократно был в ссылках. После побега из ссылки изучал в европейских университетах новейшую философию, психологию и политэкономия. Но революционер переводил сочинения Ницше и, как сам отмечал позднее, «пытался создать эмульсию из Спенсера и Маркса». Ранний сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (СПб., 1904), в котором опубликованы и философско-эстетические заметки Луначарского, был попыткой обновления марксизма. Под экономическим базисом автор усматривал базис биологический, однако последовала отповедь большинства марксистов: биологизация классовой борьбы была для них проявлением оппортунизма.

Ницшеанская идея сверхчеловека понравилась молодому Луначарскому, но его оттолкнули индивидуализм и ненависть ко всем формам демократии. Испытывая интерес к философии жизни, крупнейшим выразителем которой и был Ф. Ницше, Луначарский создал близкую к модернизму теорию жизнестроения: «...идеалы всеобъемлющего знания, справедливого строя человеческой жизни и торжества красоты слагаются в одном идеале *maximum*-а жизни». Эта идея, близкая к эвдемонизму, развита в его книге «Основы позитивной эстетики» (1908). «Ненасытимая» воля к жизни понята в ней через Дарвина – как внутривидовая борьба, ведущая к совершенствованию человека. Повторяющийся мотив: «беспредельный рост мыслящей и чувствующей жизни». Классовая борьба понята как самоорганизация в борьбе за жизнь, продолжение и

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводные заметки	3
Критика пресимволистского периода	6
Аким Волынский	9
Юлия Айхсвальд	11
Василий Розанов	19
Религиозно-философская критика	28
Владимир Соловьев	30
Николай Бердяев	38
Иван Ильин	48
Символистская критика	60
Дмитрий Мережковский	63
Зинаида Гиппиус	73
Валерий Брюсов	81
Вячеслав Иванов	88
Александр Блок	94
Андрей Белый	105
Любимцы-критики	114
Николай Гумилев	117
Осип Мандельштам	121
Марксистская критика 1900–1920-х годов	129
Георгий Плеханов	131
Анатолий Луначарский	138
Максим Горький	150
Александр Воронский	157
Писательская критика первой половины века	179
Иван Бунин	181
Марина Цветаева	190
Евгений Замятин	200
Андрей Платонов	209
Формальная школа в критике	221
Виктор Шкловский	225
Борис Эйхенбаум	234
Юрий Тынянов	238
Критики первой волны эмиграции	247
Марк Слоним	250
Дмитрий Святтополк-Мирский	254
Федор Степун	260

Владислав Ходасевич.....	265
Георгий Адамович.....	279
Литературные дискуссии 60 – 90-х годов.....	299
Владимир Лакшин.....	302
Александр Макаров.....	307
Вадим Кожин.....	312
Лев Аннинский.....	317
Игорь Золотусский.....	320
Юрий Трифонов.....	324
Виктор Астафьев.....	327
Валентин Распутин.....	330
Краткое заключение.....	338
Примечания.....	342
Литература.....	346